НА САЛАРЕ В НАШЕМ ПОЛКУ ПРИБЫЛО

Обычно на охоту и рыбалку я ездил на Арнасай, за 160 километров от дома. Большая часть пути пролегала по дорогам Узбекистана, а заключительные полсотни вёрст – по казахской территории. Добирались до места довольно быстро, без каких-либо проблем. **Обычно на охоту и рыбалку я ездил на Арнасай, за 160 километров от дома. Большая часть пути пролегала по дорогам Узбекистана, а заключительные полсотни вёрст – по казахской территории. Добирались до места довольно быстро, без каких-либо проблем.**

Тогда границы между союзными республиками были условными, и об их существовании можно было догадаться только по дорожным указателям. Но когда эти же самые государства стали независимыми, то на границах появились пункты таможенного контроля. Пересекать их становилось всё трудней и трудней. Сложностей добавляли недобросовестные таможенники-вымогатели. Они ставили искусственные препоны, и находили десятки причин, чтобы не пускать охотников и рыбаков на территорию Казахстана. Пока не заплатишь мзду – в сторону Арнасая не проедешь. И мы платили, ведь недаром говорят: «Охота пуще неволи».

Мало того, что путь был неблизким, и бензин дорожал с каждым днём, так ещё досаждали несуществующие проблемы, создаваемые таможенниками. Помыкался я, помыкался, и стал искать места для рыбалки поближе. И нашёл… в двадцати метрах от дома.

Жили мы тогда в самом центре Ташкента. Наша многоэтажка стояла на берегу Салара. Салар – это небольшая речушка, а точнее неглубокий старый канал, кое-где одетый в бетон. Он брал начало из горной реки Чирчик и петлял через весь город. Выше по течению располагались два завода: экскаваторный и лакокрасочный.

В середине 80-х годов эти предприятия так загадили воду, что в Саларе пропала всякая живность, даже лягушки перестали квакать. А по поверхности, переливаясь всеми цветами радуги, плыли масляные пятна.

В дело вмешались природоохранные организации. Наконец, под угрозой закрытия заводы прекратили сбрасывать в Салар всякую гадость. В результате через пару лет в прохладных струях канала снова завелись обитатели. Сначала мелкие пескарики, затем рыбки покрупнее. В гуще прибрежной травы дружно запел лягушачий хор. В конце 90-х в прибрежных зарослях камыша и рогоза, буйно разросшихся рядом с нашим домом, уже можно было наблюдать дружное семейство водяных курочек. А по вечерам, когда садилось солнце, изредка на глаза попадались сторожкие ондатры.

Вдоль берегов появилось множество птиц, звонко распевавших на все лады. Частенько в предрассветной мгле было слышно, как кукушка своим «грудным» голосом кому-то отсчитывает года.

Мы от души радовались, что наш Салар преобразился, и на его берегах «прописались» такие разные жители. А если учесть, что весь этот «зоопарк» обитал возле нашего дома в центре мегаполиса, то его ценность возрастала многократно.

Как-то весной, глядя с балкона на этот райский уголок природы под названием Салар, мне захотелось порыбачить в канале. Никогда раньше не ловил здесь рыбу. На особую удачу не рассчитывал, просто хотел провести время в тиши, на берегу. Накопал червей, облюбовал место и закинул удочку.

Окружающие смотрели на меня, как на чудака. А сосед Акмаль, провожая взглядом, беззлобно проворчал: «Взрослый мужик, а такой ерундой занимаешься. Ну что ты здесь можешь поймать, пескаря длиной с палец?».

Сначала действительно клевали маленькие рыбёшки, которых я снова отпускал в воду. Но, наконец, мне повезло. После двух слабых поклёвок поплавок резко нырнул под воду. Я подсёк, удилище прогнулось, зазвенело, и из воды показалась рыба, да ещё какая! После недолгой борьбы упругое тело отчаянно трепетало на натянутой леске. Через мгновение на прибрежном песке, отливая серебристой чешуей, билась маринка, чуть крупнее ладони. Поймать такую красавицу рядом с домом – действительно большая удача.

Маринки – это рыбы семейства карповых. Распространены в реках Средней Азии. Они всеядны, потребляют как растительную, так и животную пищу. Обладают прекрасным вкусом, но при готовке их нужно тщательно потрошить, так как икра и чёрная плёнка брюшины в сыром виде ядовиты.

Место для рыбалки выбрал под кустом, недалеко от построенного на берегу и нависшего над водой айвана (айван – узбекский национальный топчан для отдыха – С.А.). Расположившийся на нём Акмаль видел весь поединок с маринкой. «И-ее! – с удивлением воскликнул он. – Не знал, что в нашем арыке водится такая большая рыба!». С тех пор сосед стал моим «учётчиком». Как только я выходил рыбачить, появлялся Акмаль и занимал своё место на айване. Он вёл строгий подсчёт улова, и, комментируя очередную мою удачу, обычно говорил: «Это уже шестая маринка с начала недели». А в то утро, когда попалась самая большая рыбина, сосед не поленился, сбегал домой и принёс

ручные весы – безмен. Деловито взвесив «великаншу», он радостно объявил: «Один килограмм, двести пятьдесят грамм. Это рекорд, Сергей-ака!».
Как-то в субботний летний день, когда уже собрался с удочками выходить из дома, шестилетний внук попросился со мной на берег. Я долго ждал, когда Левон сам проявит интерес к рыбалке. Да и пора было приучать его к общению с природой. И вот дождался. Пришли к заветному кусту. Место прикормленное, обловленное, как говорят рыбаки. Течение здесь тихое, как раз то, что нужно для обучения мальца. Объяснил ему, как ведёт себя поплавок, когда клюёт рыба, и что на рыбалке надо сидеть тихо, потому что рыба боится шума. Научил и другим азам рыбацкой науки. Уселись рядышком на старом бревне, насадили на крючки по ягодке тутовника (он уже к этому времени поспел), забросили удочки и стали ждать.
Не прошло и минуты, как внук стал громко вспоминать о нашем вчерашнем походе в геологический музей. Я напомнил, что рыба не станет клевать, если мы будем разговаривать. Левон умолк, но вскоре снова начал тараторить. Тогда я посадил его по другую сторону куста, полагая, что если он не будет меня видеть, то перестанет болтать. И действительно, некоторое время он молчал. Вдруг я услышал тихий голос внука: «Дед, по-моему, у меня клюёт». Я обошёл куст и понял, что его крючок зацепился за водоросли. Слабое течение утопило поплавок, а ребёнок подумал, что это клюёт рыба. Я помог отцепить снасть. Левон насадил на крючок новую тутовую ягоду и снова забросил леску. Клёва не было вообще. Казалось, вся рыба ушла из этих мест. Прошло уже довольно много времени, а Левон всё молчал. Вдруг он снова тихо повторил: «Дед, по-моему, у меня клюёт». Я подумал, что опять зацепился крючок, и чтобы малыш сам научился выходить из этого положения, посоветовал ему: «Ну, раз клюёт, то тяни удочку». Я мыслил так – внук дёрнет удилище, леска натянется и крючок отцепится от водорослей.
Минуты две стояла полная тишина. Я не видел Левона – куст был густой, раскидистый. Но вдруг до моего слуха донеслись звуки какой-то странной возни вперемежку с прерывистым сопением. Испугавшись, ринулся к ребёнку и, когда обогнул заросли, на мгновение оторопел от удивления…
Внук стоял на берегу и из последних сил удерживал выгнутое дугой, вибрирующее удилище. Конец натянутой, как струна лески, рывками выписывал по воде сложные фигуры. Сомнений быть не могло, на крючок попала крупная рыба! Ещё секунда и удилище вырвется из рук ребёнка. Одним прыжком я оказался возле Левона и успел перехватить удочку.
Я тоже не смог сразу вытащить из воды причудливо извивающуюся рыбу. Казалось, её упругое тело вот-вот сорвётся с крючка. Пришлось долго «водить» узницу вдоль плотной тростниковой стены, ждать, когда она обессилит. А тут ещё Левон мешался под ногами. Переполненный эмоциями, он с истошными криками носился передо мной, то и дело норовя скатиться в воду. В пылу азарта перевернул нашу бутылку с минералкой и уронил в канал ведро для рыбы. Мне приходилось маневрировать между внуком и водой, чтобы он не угодил в канал, при этом не «упустить из рук удачу». И только когда рыба немного ослабла, её, наконец, удалось вытащить на берег.
Отсвечивая серебром, в траве упруго билась крупная, весом чуть меньше килограмма, маринка. Редкая удача! Но самое радостное и удивительное, что её поймал шестилетний мальчонка – мой внук! Не каждый взрослый может похвастать таким трофеем.

С доисторических времён в глубине души каждого мужчины живёт добытчик, или, проще говоря, охотник и рыбак. Подтверждением этого философского постулата служила толпа зевак, которая вдруг собралась вокруг нас. Завидев рыбу, все проходившие мимо мужики непременно останавливались. А когда выяснилось, что эту маринку поймал маленький мальчишка, засыпали его «профессиональными» вопросами, будто перед ними был старый, опытный рыбак. Один спрашивал, на какой высоте от крючка закреплён поплавок, второй просил показать тяжёлое ли грузило нужно для ловли маринок, третий осведомлялся, каким крючком он ловил, нашим или японским. Но самый мудрёный вопрос задал секретарь Украинского посольства Виктор. Мы были знакомы, он жил в соседнем доме. Дипломат, указывая на рыбу, абсолютно серьёзно поинтересовался: «Лёва, а каким диаметром лески ты вытащил эту красавицу?».

Польщённый вниманием, внук бойко отвечал на вопросы, показывал мужикам свою удочку. Иногда переадресовывал мне непонятные вопросы. Наконец он повернулся и усталым голосом произнёс: «Дед, пошли домой. Пить очень хочется». Мы смотали удочки и направились к дому. Левон шёл впереди и гордо нёс висящую на кукане рыбину. В этот момент я понял – в нашем полку прибыло, сегодня родился новый рыбак…

С тех пор среди друзей и соседей Левон завоевал репутацию бывалого рыболова. Но самое главное, в нём проснулась любовь к природе.

Сергей АЗАДОВ,
эксперт-кинолог Российской и
Узбекской кинологических федераций

На снимке: Левон держит летучую рыбу.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

09.02.2011